

Небольсин Павел Иванович

Около мужичков

Дневник 1861 г

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович Н.**
Около мужичков: Дневник 1861 г / Небольсин Павел Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 224 с.

ISBN 978-5-519-98731-8

ISBN 978-5-519-98731-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Пожалуй, и въ пять; но зато такъ выколачиваютъ послѣдніи искры мышленія у ребенка, что онъ изъ умненькаго деревенскаго мальчика становится болванъ-болваномъ.

— Безъ науки и безъ труда ничего не дается; а наши грамотѣи, уча крестьянъ, вовсе не хотятъ приложитъ къ этому ни малѣйшаго старанія. Учитель обыкновенно валется на палаткахъ, а бѣдный мальчикъ ворчитъ себѣ подъ-нось одни дикіе звуки, въ которыхъ онъ самъ никакого толку не доберется.

— Если мы на такой степени стоимъ и лучшаго придумать не сумѣли — стало-быть мы не дозрѣли!

— Какъ не дозрѣли? Есть же люди, понимающіе это дѣло надлежащимъ образомъ: почтъ и надо распространять эти знанія правильнымъ путемъ. Какъ намъ необходимъ правильно-организованный учительскій семинарій, въ той же точности необходимъ намъ и правильно-организованный центральный ремесленный школы. Ну, чтò, кажется, необходимѣе, проще и обыкновеннѣе нашихъ портныхъ заведеній, а посмотрите, и гдѣ же еще? въ столицахъ, въ какомъ странномъ угнетеніи находились наши бѣдные мальчики у нашихъ портныхъ и у русскихъ, а особенно у русскихъ нѣмцевъ, да и у пріѣзжихъ иностранцевъ то же.

Я вспомнилъ про одного петербургскаго портнаго-нѣмца, прекраснаго человѣка, у котораго снималъ когда-то квартиру, и съ грустью, съ ужасомъ вспомнилъ объ участи бывшихъ подъ его командой мальчиковъ. Слава Богу, тѣ времена прошли, участь мальчиковъ, конечно, улучшилась матеріально, но улучшилась ли она морально — это еще вопросъ другаго рода.

— Посмотрите вы на портнаго нѣмца-хозяина и на фон-визинскаго Тришку, разумно разсуждавашаго, «что первый-то портной шилъ, можетъ, хуже, чѣмъ онъ». Наши Тришки доморощенные весь успѣхъ своихъ работъ сводятъ къ одному вопросу: «угадалъ ли?» Если платье пришлось впору, тутъ не жметъ, тамъ не топырится, здѣсь не морщитъ — онъ угадалъ! Облѣзнулъ или много выпустилъ — не угадалъ! «Авось справимся!» И все-то у насъ вѣдь дѣлается на «авось». А нѣмцу-портному «авось» неизвѣстенъ. Онъ заглянулъ въ журналъ, при-

кипулъ циркулемъ планъ выкройки, снялъ съ своего «давальца» мѣрку—и вотъ вы видите въ его трудѣ «идею», мысль, фасонъ, изящество. А отчего все это? Отъ науки! А учить ли портной-нѣмецъ русскаго мальчика? Нѣтъ; утюги грѣть, чистить сапоги, ходить за класомъ, за капустой въ ланку, въ кабакъ за виномъ, быть на побѣгушкахъ, метать, строчить, запошивать, стегать, да оторачивать, да время-отъ-времени принимать побой отъ всѣхъ лицъ хозяйскаго семейства, отъ подмастерьевъ, отъ своей братьи-товарищей, вотъ кругъ науки, проходимый портнымъ-ученикомъ. Какъ кроить одежду, въ чемъ состоятъ тайны закройщикаго ремесла—это нѣмецъ показываетъ только нѣмцу, и подобнаго наставленія ни одинъ хозяинъ не допуститъ въ контрактъ, по которому сдаютъ ему мальчиковъ подъ науку. Самый смнлелый изъ нихъ, развѣ тайкомъ, какъ-бы поворовски, прикпнетъ воротникъ или рукавъ на бумагу да обведетъ уголькомъ, или другимъ путемъ утинетъ конію съ хозяйскихъ выкроекъ; но за это ученику бѣда, еще горшій той, когда его поймаютъ, любознательно, сквозь замочную скважину, или сквозь щелку ширмъ, выглядывающимъ на способъ закройки хозяина. Такъ-то и во всемъ: и въ школахъ грамотности, и въ ремесленныхъ школахъ учить дѣтей пужно не пяхъ-погой, а разивать въ нихъ смыслъ, облагородить ремесло научнымъ позрѣніемъ и—условіе важное—отказаться навсегда отъ варварскаго, свирѣлаго, кровожаднаго, нѣмецкаго обхожденія.

— Да, вы мнѣ напоминаете одного образованнаго человѣка, подхватилъ еще одинъ пассажиръ: — человѣка, который добровольно и громко сознавался въ жестокости своего обращенія съ людьми одной швальи, находившейся подъ его начальствомъ. Въ швальнѣ этой было до шестидесяти человѣкъ мастеровыхъ. Каждый понедѣльникъ у него проходила жестокая порка и варварскіе побой. Понедѣльникамъ, какъ вамъ извѣстно, называется у русскихъ мастеровыхъ «узенъкимъ воскресеньемъ»: такъ вотъ, по понедѣльникамъ, въ швальнѣ, на верстакахъ сидѣвало, бывало, человѣкъ десять-двѣнадцать; остальные зашивали. Въ этотъ же день была и страшная расправа съ ними. Товарищи пачальника швальи не разъ его уговаривали воздерживаться отъ этакого звѣрства, но получали всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

«Съ этими разбойниками, съ этими скотами ничѣмъ инымъ не возъ-
мешь». — «Но такъ несправедливо, право, грѣшно и стыдно». «Ничего
тутъ грѣшпаго нѣтъ. Мнѣ самому, господа, когда мнѣ было четыр-
надцать лѣтъ, такую разъ въ корпусѣ порку задали, и — клянусь вамъ
Богомъ, теперь, черезъ двадцать-пять лѣтъ, клянусь — совершенно-
безвинно, что меня за́мертво подняли и семь недѣль я вылежалъ въ
лазаретѣ; такъ вотъ и я тѣшусь надъ другими, какъ надо мной однаж-
ды потѣшился». Что будешь дѣлать съ такимъ провозжаемымъ чело-
вѣкомъ? Время уходило. Накопецъ наступила иная пора; началась но-
вая эра. Швальному командиру новый начальникъ строго объявилъ,
что время пестизаній безвозвратно миновало, пришла пора дѣйствовать
на людей не плетью, а убѣжденіями, и что если онъ отъ старыхъ ма-
неръ не желаетъ отвыкнуть, то пусть лучше подаетъ въ отставку.
Такой оборотъ дѣла пришлось не по вкусу швальному командиру. Въ
отставку выходить не хотѣлось: терпѣнь и жалованье, и квартиру, и
деньщиные довольствіе, и мало ли еще что терпѣшь. Между-тѣмъ, па-
тура-то была хороша, загрубѣла, знаете, только въ наюстяхъ раз-
ныхъ, но съ доброю волею человѣкъ чего натворить не сможетъ. Труд-
но, конечно, себя переломить, но вѣдь дѣло-то не вовсе-невозможное,
особенно, коли подъ-часть, хоть тайкомъ, повелѣнется въ груди кака-
нибудь особенная стружка. Отчего не попробовать, если еще тутъ и
матеріальныя интересы замѣшаны, а моральный толчокъ ужь данъ,
хоть и самому-себѣ незавѣдомо. И что жь вы думаете, господа? этотъ
господинъ меня на дняхъ самъ увѣрялъ, что вотъ теперь только пять
лѣтъ прошло, а въ швальнѣ у него тѣлесныхъ наказаній даже въ по-
минѣ нѣтъ. Запон и попойки прекратились, единственно лишь велѣд-
ствіе мягкаго обхожденія съ мастеровыми и возникновеніи между ни-
ми чувства стыда и благородной гордости, да и самъ онъ, этотъ инвалъ-
ный командиръ, совершенно переродился и, гдѣ только можетъ, процо-
вѣдуетъ любовь и состраданіе къ ближнему, рѣшительно и безуслов-
но отвергалъ тѣлесныя наказанія.

Время шло незамѣтно. Мы быстро подвигались впередъ. Разговоры
смѣшались разговорами, но все-таки оттѣнокъ дикости и отчужденія
между пассажирами, отчасти, былъ замѣтенъ въ достаточной степени.

— Нѣтъ, вотъ насмѣшила меня одна изъ родныхъ моихъ тѣтушекъ, говорилъ одинъ молодой человѣкъ своей сосѣдкѣ.—Въ памятный для всѣхъ день 5 марта, когда всѣ наши знакомые цаловались другъ съ другомъ и христосовались, поздравляя всѣхъ и каждого съ освобожденіемъ крестьянъ, я стремглавъ прибѣжалъ къ тѣткѣ и пу душить ее въ объятіяхъ отъ всей чистоты переполненнаго радостію сердца.

— Сумасшедшій, постой, сумасшедшій, да что ты, въ-самомъ-дѣлѣ, никакъ въ ушѣ рехнулся? причала она, отпихивая меня отъ себя насколько силъ хватало.

— Тѣтушка, Христосъ воскресъ! Сейчасъ манифестъ читали. Нѣтъ больше крѣпостныхъ въ Россіи! Свобода подписана!... Ура!

— Да что ты горло-то дерешь?... Экъ онъ орѣтъ, будто радость капалъ; а ты разскажи толкомъ.

— Крестьяне освобождены съ этой минуты; ихъ нужно надѣлать земель; дворовые свободны, хоть сію минуту отпустите...

— Тс, тс, сумасшедшій, не ори: и Матрѣшка, и Дашка, и Оеклуша— всѣ тутъ: неравно услышатъ. Какъ бы Федоръ съ Михѣемъ про манифестъ не пронюхали!

— А что вы скажете, милостивые государи, на мой не анекдотъ, а на истинное происшествіе, говорилъ мужчина во цѣлѣ лѣтъ, не успѣвшій еще состарѣться, но уже слегка посѣдѣвшій и отъ спячачей жизни потерявшій часть волосъ въ передней части головы. — Надо вамъ напередъ сказать, что ни на мигъ отроду розги не бывало, ни и не бывалъ никогда причинною чужихъ столовъ отъ розогъ. Есть у меня имѣніе, въ которомъ живетъ старшій мой братъ, полковникъ старыхъ временъ, но съ молодымъ взглядомъ на міръ, и поэтому страдавшій и пострадавшій за свою гуманность, почитавшійся когда-то либерализмомъ. Этотъ человѣкъ не только никогда не дрался, не ругался и не бранился, но, кажется, всю душу свою онъ былъ готовъ положить на то, чтобъ облегчать, улаживать жизнь тѣхъ людей, которыхъ судьба ввѣрила его попеченію. И что же вы думаете? Чѣмъ эти люди намъ отплатили? Мы имъ безвозмездно подарили ихъ усадьбы; мы облегчили имъ выкупъ надѣла на одну пятую ея цѣнности; каждое тѣло на себя запахивало у насъ по десяти десятинъ во всѣхъ

трехъ поляхъ: мы имъ оставили этотъ надѣлъ и на будущее время, а они?... Они не хотятъ барскихъ полей запахать и засѣять; они гурьбой явились на господскій дворъ и, крича, что магазинъ съ запаснымъ хлѣбомъ теперь уже не барскій, а ихъ, крестьянская, собственность, хотѣли его контролировать и весь хлѣбъ разобрать по пѣзамъ. Это такъ огорчило брата, что онъ въ первый разъ въ жизни вышелъ изъ себя и, остановивъ мужиковъ крупнымъ русскимъ словомъ, тѣмъ только и предотвратилъ готовившееся полненіе. Изъ этого же инцидента взятъ былъ ко мнѣ въ комнату мальчикъ Петрушка. Я вырастилъ этого мальчика, выучилъ его грамотѣ, превратилъ Петрушку въ Петра Корнилыча и сдѣлалъ своимъ камердинеромъ. Жалованья я ему давалъ семь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Въ день 5 марта я призналъ его къ себѣ, прочиталъ ему манифестъ отъ пачала до конца, прочиталъ положеніе о дворовыхъ людяхъ и, въ заключеніе, прибавилъ:

— Ну, Петръ Корнилычъ, я свой долгъ исполнилъ, царскую волю объявилъ; мнѣ остается только поблагодарить тебя за вѣрную и честную службу. Я тобой былъ постоянно доволенъ; ты честный, трезвый и умный малый и, нѣтъ сомнѣній, что ты будешь счастливъ, если будешь вести себя попрежнему.

Мой Петръ разрыдался.

— Любезный другъ, продолжалъ я:—я не хочу связывать твоей доброй воли еще на два года. Хочешь ты у меня оставаться служить—оставайся и служи, а не хочешь — на то твоя добрая воля, только и тебѣ, голубчикъ, жалованья прибавлять не стану, а какъ платилъ семь рублей, такъ эти же семь рублей и впередъ тебѣ стану платить; разумѣется, въ праздники безъ подарковъ не оставлю.

— Батюшка, такой-сякой—заливался слезами, говоритъ Петръ:—вы меня вскормили, вскормили, уму-разуму научили и на путь добрый поставили! Что жъ бы я былъ за свинья за такая, еслибъ отъ вашей милости отойти вздумалъ. Мнѣ ль у васъ не житье; чай, и въ раю не лучше того.

Ну, поговорили-поговорили, да такъ и оставили, предовольные другъ-другомъ. Только вдругъ, недѣли двѣ тому назадъ, слышу я, что кто-то неровными шагами идетъ ко мнѣ въ кабинетъ черезъ

гостиную. Дверь отворяется—ба! Петръ Корнилычъ... да вѣдь какъ пьянъ-то? мертвецки! А я этого человѣка сроду не видывалъ петоль-ко хмельнымъ, но даже навеселѣ.

— Петръ Корнилычъ, что съ тобой?

— Да пѣтъ ужъ, сударь, какъ вамъ угодно, а моченьки моей ужъ не стаётъ.

— Да что ты? что съ тобой?

— Да что со мной? А ничего со мной! А ужъ какъ вамъ, сударь, будетъ угодно, а моченьки моей ужъ не хватаетъ.

— Чего жъ тебѣ, братецъ, надобно?

— Пожалуйте отпускную-съ.

— Такъ ты служить мнѣ ужъ не хочешь?

— Моченьки моей ужъ не стаётъ.

— Что жъ тебѣ трудно?

— Съ чего тутъ трудно быть! не Богъ знаетъ работы сколько!

— Такъ обижаютъ тебя, что ли?

— Кому меня обижать? да и за что?

— Да посмотри ты, Петръ, на себя: вѣдь ты сле-сле на ногахъ стоишь.

— Съ горя, сударь-батюшка, съ горя, съ горя, съ горя! пѣтъ моей моченьки больше!

— Да ты скажи толкомъ, чего жъ тебѣ надобно?

— Пожалуйте отпускную-съ.

— Да вѣдь я тебѣ давно предоставилъ полную волю; я не держалъ тебя; ты самъ пожелалъ остаться?

— Моченьки моей пѣтъ больше, сударь: пожалуйста отпускную-съ.

— Ну, ступай, проспись; приходи завтра, я тебѣ дамъ бумагу къ посреднику.

На-завтра мой Петръ пьянъ мертвецки, на послѣзавтра тоже пьянъ; на другой день языкъ лыка не вяжетъ, на слѣдующій день Петръ на ногахъ не стоитъ. Что за диво? На всѣ вопросы один и тѣ же отвѣты: «не могу больше; моченьки пѣтъ; пожалуйста отпускную; уйду на край свѣта!»

Ну, наконецъ, намедни, мы кой-какъ его усовѣстили, образу-

мили, чтобъ пить-то хотя пересталъ. Цѣлый день онъ былъ трезвъ и не вступалъ въ разговоры, а исполнялъ свое дѣло попрежнему. На завтра онъ былъ опять трезвъ, но послѣ обѣдин, когда мы съ женою сидѣли за газетою, онъ вошелъ къ намъ.

— Ну, чтò?

— Я къ вашей милости-съ.

— Чтò скажешь?

Петръ вынулъ изъ кармана платокъ, прижалъ къ глазамъ и зарыдалъ горько-прегорько.

— Растолкуй же ты мнѣ, сдѣлай милость, съ чего ты плачешь?

— Мнѣ жалко, сударь, какъ я теперича весь вѣкъ свой у васъ живуши, съ-измалѣтства вскормленъ, воспоешь и грамотѣ обученъ... Всю жизнь, какъ есть, вашихъ милостей не забуду! Нѣту моей моченьки больше, а оставаться у васъ мнѣ не рука. Пожалуйте отпускую-съ.

— Да не влюбленъ ли ты, братецъ, въ кого нибудь? скажи, признайся...

— Грѣха того не знаю-съ, а мнѣ тутъ у васъ жить не мѣсто.

— Жалованья мало?

— Всѣмъ мы предовольны.

— Обращеніе тебѣ не нравится?

— Отъ родителей ласки такой не видывали.

— Лакейскую должность, можетъ-быть, править обидно?

— И почище насъ люди, да этимъ только живутъ.

— У меня и руки врознь. Чортъ же съ тобой, думаю: — пожалуй, такъ съ нимъ всякое терпѣнье потеряешь! Ну, нечего дѣлать, давай отпускую.

— Экой, въ-самомъ-дѣлѣ, какой вашъ Петрушка, или какъ тамъ его... Петръ Корнилычъ! подхватилъ одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ пассажировъ: — захотѣлъ на волю скорѣй и хочетъ разорвать послѣднюю связь съ крѣпостнымъ правомъ, да съ-горя и заплѣ, безотчетно понимал, что въ жертву этому стремленію, онъ долженъ навсегда отлучиться отъ людей съ прекраснымъ сердцемъ, неунижавшимъ его человѣческаго достоинства! Что его ждетъ впереди свобод-

ный трудъ—онъ это хорошо понимаетъ, но внутренняя борьба изъ-за принципа, какъ видите, не обошлась ему даромъ.

У Твери вагонъ нашъ на ночь достаточноымъ образомъ опорожнился и мы всѣ превосходнымъ манеромъ расположились на покой. Будили насъ въ Клину напиться какой-то кофейной бурды, исправляющей здѣсь должность кофе, а окончательно проспунись мы всѣ уже въ Москвѣ, въ 8 часовъ утра.

Сейчасъ мнѣ принесли копію съ «грамотки», которую, съ недѣлю тому назадъ, московскіе фабричные изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей поднесли здѣсь государю. Помнится, какъ-будто эту грамотку я уже гдѣ-то читалъ (*), но она такъ коротка, такъ хороша и такъ прямо идетъ отъ чистаго сердца, что ее пріятно будетъ и еще разъ перечитать.

«Всеимпостиѣйшій государь, *отецъ-освободитель* !

«Благодаримъ тебя, государь, за великія твои милости, за дарованную намъ тобою свободу.

«Денно и понощю молимъ мы за тебя, молятъ наши жены и дѣти и будутъ молить внуки и правнуки.

«Храни тебя милосердый Богъ и дай тебѣ силу и крѣпость все совершить съ любовію, чтобъ всѣ твои вѣрноподданные дѣти, тебѣ Богомъ данныя, во взаимной любви и согласіи, благословляли твое имя въ роды родовъ, какъ мы благословляемъ ими нашего отца-освободителя».

Здѣсь, въ Москвѣ, я успѣлъ побывать только у изобрѣтателя зерносушильни, бывшей миновавшей осенью на сельскохозяйственной выставкѣ, устроенной вольнымъ экономическимъ обществомъ, у В. И. Максимова, на Арбатѣ. Во время моего посѣщенія, хозяину сдѣлано было нѣсколько визитовъ посторонними лицами. Это были помѣщики, дѣлавіиіе заказы именно на эту зерносушильню, которую они, по рисункамъ и его описаніямъ, нашли изобрѣтеніемъ чрезвычайно-остроумнымъ и весьма-полезнымъ.

(*) Дѣйствительно, она была уже напечатана въ газетахъ.

Такъ-какъ разговоры отъ зерносушильни весьма-естественно уклонились вообще къ повсюдной реформѣ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, то результатомъ этихъ свиданій для меня было то, что я узналъ, что большинство и чуть ли не всѣ наши землевладѣльцы сильно вострепенулись отъ дремы и усыпленія, въ которое они были погружены; что пробужденіемъ этимъ Россія обязана манифесту, подписанному государемъ 19 февраля; что теперь, когда со дня на день вездѣ ждутъ установленія волостей и когда, слѣдовательно, патріархальная связь между помѣщикомъ и крестьянами превратится въ правильный, свободный и правдивый союзъ, вольный трудъ долженъ воспріять полное и прочное начало—врядъ ли безъ хорошихъ земледѣльческихъ машинъ и орудій землевладѣльцы могутъ управиться со всѣмъ своимъ хозяйствомъ; что разомъ завести полный комплектъ этихъ машинъ и орудій едва-ли для каждаго хозяина возможно, и что теперь всѣ наши большіе дороги ежедневно могутъ представлять наблюдателю наглядныя доказательства того, въ какой степени признана уже дворянствомъ необходимость пріобрѣтенія улучшенныхъ снарядовъ; и что — важное обстоятельство — всѣ помѣщики стали распродавать свою «охоту», а такъ-какъ на эти покупки мало охотниковъ, то всюду по помѣщичьимъ имѣніямъ открылась спрійская рѣзня разнымъ сворамъ: несчастныхъ, и въ чемъ неповинныхъ собакъ, гонимыхъ и борзыхъ всюду бьютъ, стрѣляютъ и вѣшаютъ цѣлыми дюжинами. Переворотъ въ жизни страшный!

Я, дорогой, составилъ планъ путешествія такого рода, чтобъ, несколько не заживаясь въ первопрестольной столицѣ, сначала проѣхать на долгихъ въ Подольскъ — пунктъ чрезвычайно-важный, гдѣ я надѣялся на шоссеиной заставѣ собрать кое-какія статистическія данныя о движеніи конеческихъ и крестьянскихъ обозовъ къ Москвѣ и отъ Москвы по двумъ большимъ трактамъ, по московско-варшавскому шоссе и по тульско-орловскому; отсюда я полагалъ пробраться до Тулы, изъ Тулы черезъ Веневъ попасть въ Рязань, посѣтить потомъ Коломну и устроить свой разъѣзды такъ, чтобъ въ ивановъ-день быть въ Москвѣ и оттуда, немедли, отправиться по желѣзной дорогѣ домой, въ Петербургъ.

Въ Подольскѣ я могъ попасть двумя путями: или обыкновенною шоссеюною дорогою, или такъ-называемымъ старокалужскимъ трактомъ. И такъ, и этакъ разстояніе почти одно; но на шоссе все подчищено, все вымыто, все выбрито, все подрумлено, а на заброшенной купеческой дорогѣ я, безъ сомнѣнія, встрѣчу природу безукрашенную.

Я порѣшилъ ѣхать на долгихъ и по старокалужской дорогѣ, и поэтому часа ужъ два тому назадъ послалъ въ Замоскворѣчье, въ Солодовки, на подворье, за лошадьми и за тарantasомъ.

Къ этому, отчасти, привлекаетъ меня еще и то—что я почти совершенно случайно вспомнилъ — что гдѣ-то около Подольска, живетъ въ какомъ-то селеніи одна сильно заинтересовавшая меня миновавшею знамою личность, съ которою я всего только разъ въ жизни повстрѣчался, но зато въ весьма-близкомъ для меня семействѣ, личность, замѣчательная для меня тѣмъ, что она, вѣроятно, вслѣдствіе особеннаго склада обстоятельствъ, въ одно и то же время и хвалила и бранила русскаго мужика, въ одно и то же время горой стояла за крѣпостное право и желала его уничтожить. Постараюсь, если окажется возможнымъ, погостить денекъ-другой у этого человѣка.

Четвертокъ, 1 іюня.

Барское село. Еще третій часъ ночи; еще солнышко не взошло; еще пѣтуховъ не слышно, а настушокъ ужъ проигралъ на рожкѣ. Мужики храпятъ во всю ивановскую, а ужъ калитки скрипятъ и мимо меня поминутно проходятъ полусонныя бабы, въ сердцахъ хлещущія своихъ коровенокъ, кто розгой, кто хворостиною, а кто и просто кулакомъ. Голова болитъ ужасно, а лечь на диванъ не хочется: не жалую я насѣкомыхъ, а персидскій порошокъ изъ чемодана достать лѣнь. Да и спать не хочется; да и мухи спать не дадутъ. Опѣ здѣсь, на постояломъ дворѣ, ужасно злы и кусаютъ такъ, какъ меня еще и не кусывали. Ва, ба, ба! что я вижу? тесовыя кровли? это для меня новостъ. Всею дорою я не видалъ такой приличной усадьбы. Жаль только, что кабакъ здѣсь на самомъ тычкѣ, а это скверное дѣло и